

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

А. Д. Новичев

БОРЬБА МЕЖДУ РЕФОРМАТОРАМИ И КОНСЕРВАТОРАМИ В ПЕРИОД ТАНЗИМАТА (1839—1853)

В 30-х годах XIX в., как и в предыдущие десятилетия, Турция переживала глубокий экономический и политический кризис. К этому времени окончательно изжила себя и была близка к полному распаду военно-ленная система. В 30—40-х годах XIX в. эта система была ликвидирована в Малой Азии и в большей части Европейской Турции. Однако феодальная эксплуатация крестьян, препятствовавшая развитию сельского хозяйства и росту благополучия сельского населения, сохранилась. Не претерпела изменений и губительная для страны феодальная налоговая система. По указанным причинам сдерживалось развитие внутреннего рынка, рост промышленности и торговли. Наплыв с начала XIX в. промышленных изделий (текстильных, кожевенных, металлических и др.) из стран Западной Европы привел к упадку и застою в соответствующих отраслях турецкой промышленности и к углублению экономического кризиса.

В стране отсутствовала политическая стабильность. До середины 20-х годов XIX в. шла ожесточенная борьба между центральной властью и крупными сепаратистами. Султану Махмуду II (1808—1839) удалось ликвидировать сепаратизм в Малой Азии и Румелии. Тем не менее паши отдаленных провинций по-прежнему были полунезависимы от султана. В правительственных верхах не ослабевала борьба за власть между соперничавшими группировками. Свою лепту в общий политический хаос вносили дворцовые интриги. Подобная обстановка создавала широкие возможности для произвола представителей власти сверху донизу.

Несмотря на все феодальные препоны, в рассматриваемое время в Турции наблюдались и известные экономические сдвиги: рост товарно-денежных отношений в деревне, созда-

ние частных крупных сельских хозяйств (чифтликеров), специализированных на производстве товарной продукции, разложение цехов и выделение в них зажиточной верхушки, основание мануфактур и даже в отдельных случаях фабрик и заводов, расширение торговли с другими государствами (в первую очередь с Англией, Австро-Венгрией, Францией и Россией). Однако феодальный режим сковывал развитие предпринимательской деятельности¹.

Прежде всего, и это главное, отсутствовала даже минимальная гарантия неприкосновенности жизни, чести и имущества. Денежная система находилась в расстройстве. Куруш, или пиастр, — серебряная монета, являвшаяся основной денежной единицей в Турции, непрерывно падал в цене, так как правительство наводняло денежный рынок фальсифицированными монетами со сниженным содержанием серебра.

Тяжелее всех ощущали мерзости турецкого феодального режима колонии Османской империи, особенно на Балканах. Коренное балканское население развивалось в экономическом и культурном отношении значительно быстрее своих поработителей. У балканских народов народилась своя национальная, преимущественно торговая, буржуазия. Появилась передовая, патриотическая интеллигенция, выдвинувшая лозунг борьбы за полное освобождение от турецкого ига и восстановление национальных государств. В первой трети XIX в. одна за другой вспыхивают национально-освободительные революции и войны греков, сербов, валахов, молдаван, неоднократно поднимают восстания болгары. При военной помощи России Греция добилась независимости, Сербия и Дунайские княжества — автономии. Победоносную войну с султаном вел в 1831—1841 гг. Египет под руководством Мухаммеда Али. Однако в результате вмешательства Англии, России, Австрии и Пруссии Мухаммед Али не смог воспользоваться плодами своих побед над турецкой армией и вынужден был капитулировать. Вскоре Египет оказался в зависимости от Англии, формально оставаясь частью Османской империи.

Правящие круги Турции, разумеется, были обеспокоены последствиями экономического и политического кризиса. Но они не понимали, что виновниками кризиса являются они сами, их режим. Они видели лишь то, что лежало на поверхности и непосредственно угрожало их власти: хронический финансовый голод, волнующееся и бунтующее повсеместно население, восстания балканских народов, курдов, арабов,

¹ Подробно об этом см.: А. Д. Новичев, Экономические и социальные сдвиги в Малой Азии и на Балканах в первой половине XIX в. и начало Танзимата, М., 1966.

слабость армии и поражения в войнах с Россией. По мнению правящих кругов, прежде всего нужна была хорошая армия, которая могла бы укрепить центральную власть и обеспечить покорность подданных. Их заботило также плачевное состояние финансов. Они старались изыскать меры, которые позволили бы удовлетворить потребности двора и правительства в деньгах.

Уже во второй половине XVIII и в начале XIX в. делаются попытки использовать опыт европейских стран и создать новую, регулярную армию, заменив ею янычар, феодальное конное ополчение и отряды наместников провинций. В царствование султана Махмуда II начинается подготовка к проведению (и частичное осуществление) широкого круга преобразований — военных, экономических, административных, в области культуры и быта². Многих молодых турок направляют в западные страны в качестве сотрудников посольств или для обучения военному делу и гражданским специальностям. Большинство их побывало в Париже. Ознакомившись с условиями жизни в странах Запада, с их государственным строем, культурой, бытом, турецкая молодежь воочию убедилась в том, насколько безнадежно отстала их родина от Европы, и пришла к мысли: Турция может достигнуть прогресса, укрепить свое внутреннее и международное положение лишь в том случае, если перестроит свою жизнь, следуя примеру европейских стран, главным образом Франции и Англии.

Крупнейшим реформатором был Мустафа Решид-паша (1800—1858), посол Турции в Париже и Лондоне в 1834—1837 гг., а затем министр иностранных дел. Получив поддержку султана, он создал Совет общепользных дел (*Meclis-i umumiye*), который занялся подготовкой реформ.

Главным злом Решид-паша считал тиранию султана, плохое правительство, отсутствие законности и произвол. Будучи с чрезвычайной миссией в Лондоне, он направил английскому министру иностранных дел Пальмерстону 12 августа 1839 г. меморандум, в котором жаловался на тиранию Махмуда II. Решид-паша писал, что своеволие султана, великого везира и других власть имущих должен ограничить закон, обеспечивающий гарантию жизни, имущества, чести всех подданных Османской империи без исключения³. Из

² О реформах Махмуда II см.: А. Д. Новичев, *История Турции, II. Новое время (1792—1839)*, Л., 1968, стр. 134—150, 216—274; о турецко-египетском конфликте в 1831—1841 гг. см.: там же, стр. 180—215; его же, *История Турции, III. Новое время (1839—1853)*, Л., 1973, стр. 7—80.

³ Текст меморандума см.: F. Bailey, *British Policy and the Turkish Reform Movement*, Cambridge, 1943, стр. 271—276.

этого не следует, что Решид-паша полагал необходимым заменить абсолютистский режим конституционной монархией. Он не был конституционалистом⁴. По его идее, разработкой проектов законов должен был заниматься высший совещательный совет. Проекты могли стать законами лишь после их утверждения султаном.

Мустафа Решид-паша не был одинок в своей борьбе за реформы. Его поддерживали многие офицеры, получившие военное образование под руководством главным образом французских инструкторов, сотрудники министерства иностранных дел и турецкие дипломатические работники за рубежом, учителя светских школ, другие представители новой турецкой интеллигенции. Среди них были, например, энциклопедически образованный, знавший несколько иностранных языков, врач и историк Атаулла Мехмед Шанизаде, переводчик и автор книг по медицине и математике Ходжа Исхак-эфенди, историк и редактор первой газеты, вышедшей на турецком языке, Эсад-эфенди, автор сочинения «Европейский трактат», в котором он по личным наблюдениям описал жизнь многих европейских стран, Мустафа Сами, турецкий посол в Вене Садык Рифат⁵. Этот видный государственный деятель заслуживает особого внимания.

Садык Рифат (1807—1856) был направлен в 1837 г. в Вену, а в 1839 г. назначен послом в Австрии. Изучая жизнь западных стран, он стал поклонником европейской цивилизации и сторонником реформ в Турции. Свои взгляды он изложил в нескольких сочинениях, из которых особенно примечательны «Трактат о положении дел в Европе» (1837) и «Положение дела реформ в Османской империи» (1844).

В первом трактате Садык Рифат отмечает стабильность государственной администрации в странах Европы, веротерпимость, универсальность образования, распространенность книг, прессы, говорит о железных дорогах, банках, паровых двигателях. Автор подчеркивает атмосферу законности, заботу правительств об обеспечении прав человека, сохранности жизни, имущества и чести подданных. Современный турецкий историк проф. Ниязи Беркес и другие высказали мнение, что Садык Рифат, возможно, был первым, кто сформулировал главные идеи Танзимата до их формального провозглашения⁶.

В другом своем названном выше сочинении Садык Рифат

⁴ Там же, стр. 231—235. Меморандум австрийского посла в Стамбуле Штюмера от 10 марта 1841 г.

⁵ N. Berkes, *The Development of Secularism in Turkey*, Montreal, 1964, стр. 118—131.

⁶ Там же, стр. 131—132

сформулировал основные идеи Танзимата: уничтожение произвола в управлении, кодификацию правовых и административных законов, военные и другие обязательства населения, гарантию безопасности и стабильности, поощрение промышленности, развитие просвещения и пр.⁷

Еще при жизни Махмуда II Совет общепользных дел готовил проект султанского рескрипта о реформах. Однако подготовка была встречена в штыки большинством министров, светских сановников и царедворцев, а также духовенством. Среди противников реформ были великий везир (после воцарения Абдул Меджида) Хусрев-паша и бывший министр иностранных дел Акиф-паша⁸. Консерваторы затормозили провозглашение султанского указа о реформах, которое намечалось еще при жизни Махмуда II (тяжело больного и фактически не управлявшего государством). Самого Мустафу Решид-пашу удалили из Стамбула: его направили в 1838 г. чрезвычайным послом в Париж и Лондон (формально он остался министром иностранных дел) для переговоров с соответствующими правительствами в связи с назревшим военным конфликтом между султаном и Мухаммедом Али⁹.

С вступлением на престол Абдул Меджида Мустафа Решид-паша вернулся в столицу. После длительной борьбы со своими политическими (и личными) противниками он добился согласия султана на провозглашение реформ. Мустафа Решид-паша сумел убедить его, что рескрипт о реформах, в частности содержащийся в нем принцип равенства перед законом мусульман и немусульман, поможет Турции, положение которой было очень тяжелым после разгрома египетскими войсками турецкой армии в Сирии в июне 1839 г., приобрести расположение правительств и общественности западных стран. Благодаря этому Порта сможет добиться выгодного для нее решения турецко-египетского конфликта и избавиться от вмешательства держав, особенно России, в защиту христианских подданных Турции.

⁷ Там же, стр. 132.

⁸ Ahmed Lûtfî, Tarih-i Lûtfî, c. 1—8, Derisaadet, 1290—1328 (1873—1910), c. 6, стр. 60—64 (далее — Tarih-i Lûtfî); R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1901, стр. 174—175; C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, — «Tanzimat», Ankara, 1940, стр. 9 (в сборнике каждый очерк имеет свою пагинацию); E. Z. Karal, Tanzimattan evvel garplılaşma hareketleri (1718—1839), — «Tanzimat», стр. 1; C. Bilsel, Tanzimat'ın harici siyaseti, — «Tanzimat», стр. 6. Турецкий историограф Абдурахман Шереф-эфенди в своем труде «Tarih musahabeleri» (Istanbul, 1340/1922) указывал, что задержка обнародования хатт-и шерифа произошла по вине Акиф-паши. Ссылаясь на Шереф-эфенди, об этом пишут и названные нами историки.

⁹ C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, стр. 10.

Несмотря на согласие султана, Мустафа Решид-паша тревожился, что его политические противники сорвут обнародование высочайшего рескрипта. Поэтому дата его провозглашения, намеченная на 3 ноября 1839 г., хранилась в глубокой тайне. Особенно опасался он всемогущего Хусрев-паши, который фактически единолично управлял страной (султану было в то время всего 16 лет). Решид-паша даже боялся за свою жизнь. Он подозревал великого везира в намерении натравить на него фанатичную мусульманскую чернь. Вечером 2 ноября, накануне провозглашения указа о реформах, он сказал своему кяхья (управляющему делами), что не надеется вернуться завтра невредимым домой. Перед отбытием в султанский дворец, где ему предстояло огласить акт о реформах, он попрощался с родными¹⁰.

3 ноября 1839 г. на «Площади роз», перед летним двухэтажным султанским дворцом на берегу Мраморного моря, в торжественной обстановке, в присутствии султана, шейх уль-ислама, всех министров, светских и духовных сановников, иностранных послов, цеховых старшин, глав всех немусульманских общин, войсковых частей и толпы народа — мусульман и немусульман состоялось обнародование знаменитого султанского рескрипта о реформах, получившего по месту его оглашения название Гюльханейского. Этим рескриптом (по-турецки хатт-и шериф — священный указ) было положено начало периоду реформ, которые в турецких источниках получили название «благодетельных» (танзимат-и хайрийе). Сам период также стал именоваться в литературе Танзимат.

Султанский рескрипт был оглашен Мустафой Решид-пашой. Имам, сменивший его на трибуне, вознес молитву Аллаху. После молитвы были принесены в жертву бараны. Пушки с Босфорских фортов 101 выстрелом возвестили о наступлении новой эры в истории Османской империи и в жизни населявших ее народов. Султан, а за ним все высшие духовные и светские сановники поклялись соблюдать Гюльханейский хатт-и шериф. Затем султан направился в особое помещение во дворце, где находился священный плащ пророка, и оставил там на хранение на вечные времена Гюльханейский хатт-и шериф.

Торжества происходили и в провинции. Во всех центрах эяялетов, санджаков и каза на площадях при большом сте-

¹⁰ Там же, стр. 11—12; Т. Унал, *Türk siyasi tarihi*. 1700 den 1958-e kadar, Ankara, 1958, стр. 117—118; E. Z. Karal, *Gülhane Hatt-ı hümayununda batının etkisi*, — «Belleten», Ankara, 1964, № 112, стр. 581.

чении народа местная знать давала клятву верности Гюльханейскому хатт-и шерифу¹¹.

Гюльханейский рескрипт провозглашал намерение султана обеспечить всем областям Османской империи хорошее управление, а всем ее подданным, без различия этнической принадлежности и вероисповедания, неприкосновенность жизни, чести и имущества; декларировались ликвидация произвола, добросовестное следствие, гласный суд и т. п. Таким образом, были обещаны буржуазные по своей направленности реформы, необходимые для развития предпринимательской деятельности. Рескрипт обещал далее справедливое распределение и взимание налогов, отмену откупной системы — ильтизама, упорядочение рекрутского набора и сокращение срока военной службы до четырех-пяти лет.

Гюльханейский хатт-и шериф не предусматривал никакой аграрной реформы. В частности, он не покушался на огромные земельные владения, которые в виде вакфов находились в руках мусульманского духовенства. Ничего не было сказано и о намерении Порты при помощи протекционистской политики уберечь турецкую промышленность от конкуренции иностранных товаров и обеспечить ее развитие.

Сразу после обнаружения Гюльханейского хатт-и шерифа Мустафа Решид-паша и его единомышленники приступили к его реализации. Стремясь уничтожить произвол, они в срочном порядке в 1840 г. провели уголовный закон, который распространялся на всех подданных империи без исключения; в том же году для ограничения произвола вали и начальников санджаков (округов) было предписано создать при них совещательные советы — меджлисы — с участием представителей немусульман; была отменена откупная система взимания налогов, в том числе главного налога с крестьян — ашара (десятины); была изменена система сбора личного налога с немусульман — джизье, или хараджа, — в пользу налогоплательщиков; в 1840 — начале 1841 г. был подготвлен коммерческий кодекс и т. д.

Реформы встретили упорное сопротивление консерваторов в центре и в провинции. Злейшими врагами реформ были улемы, муфтии (верхи мусульманского духовенства), крупные феодалы, полуфеодалы, курдские феодально-племенные

¹¹ E. Z. Kagal, *Gülhane Hatt-ı hümayununda batının etkisi*, стр. 581. Заслуживает внимания следующая подробность. Направляя в провинции Гюльханейский хатт-и шериф для торжественного обнаружения, Порта потребовала от всех вали [управителей эйялетов (областей)] следить за тем, чтобы не повторялись неприятности, которые произошли при оглашении хатт-и хумаюна о вступлении Абдул Меджида на престол, когда среди крестьян разнеслись слухи об отмене некоторых налогов (H. Inalcik, *Tanzimat'ın uygulanması ve sosyal tepkileri*, — «Belleten», № 112, стр. 623).

вожди, вали и начальники санджаков, мюльтезимы (откупщики налогов), связанные с ними крупные ростовщики из Стамбула (преимущественно армяне) и др.¹²

Особенно опасным противником вследствие своего огромного влияния на широкие массы мусульман было духовенство. Мечети со многими десятками тысяч священнослужителей, духовные училища (медресе) с десятками тысяч учащихся, обители и монастыри (текке, завийе) с огромной массой оседлых и странствующих монахов-дервишей были очагами сопротивления реформам, в какой бы области те ни проводились.

Консерваторы использовали любую возможность для пропаганды против реформ, для саботажа. Они проникли и в меджлисы, которые, по мысли их создателей, должны были помогать осуществлению реформ. Так, в г. Адапазары муфтий — член меджлиса подстрекал народ выступать против налоговой реформы. В г. Амасье по призыву улемов, в числе которых были и члены местного меджлиса, фанатики-мусульмане уничтожили карантинный пункт и убили врача¹³.

С самого начала саботировал проведение реформ административный аппарат. Мустафе Решид-паше и его сторонникам было не под силу перетряхнуть государственный аппарат сверху донизу и заменить старых чиновников людьми, желающими и способными осуществить реформы. Да они и не ставили перед собой такой цели. К тому же консерваторы не позволили бы это сделать.

Бешенство фанатиков вызывал провозглашенный хатт-и шерифом принцип равенства мусульман и немусульман¹⁴. Они рассматривали его как нарушение одной из основных догм ислама и разрушение устоев империи. Мракобесам удалось в ряде городов — Адрианополе, Измире, Кайсери, Конье и др. — организовать христианские погромы. «В Кайсери, Конье и других местах Анатолии фанатики совершили вопиющие неистовства против отдельных христиан, в Мосуле несториане подверглись кровавому преследованию, короче сказать, дух мусульманского фанатизма обуял всю Турцию и становился и в столице день ото дня заметнее», — писал немецкий историк Розен¹⁵.

Реформаторы, в первую очередь Мустафа Решид-паша, и

¹² H. Inalcık, Sened-i Ittifak ve Gülhane Hatt-ı Hümayûnu, — «Belleten», Ankara, 1964, № 112, стр. 615—616; H. Şanda, Reaya ve köylü. İstanbul, 1970, стр. 112—113, 120—122.

¹³ H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 636.

¹⁴ R. Каупар, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, стр. 190.

¹⁵ Д. Г. Розен, История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году, ч. II, СПб., 1872, стр. 87.

даже сам султан подвергались нападкам. Решид-пашу обвиняли в том, что он продался кяфирам — «неверным». Фанатики кричали, что шариат гибнет, что падишах стал франком-безбожником, и противопоставляли ему Мухаммеда Али как борца за ислам¹⁶. Многие говорили, что Танзимат — выдумка франков¹⁷.

Противники реформ были крайне недовольны также законами об отмене ильтизама, о борьбе со взяточничеством и незаконным обогащением. Почти все вали либо сами были мюльтезимами, либо были тесно связаны с откупщиками налогов материальными интересами. В услужении у крупных мюльтезимов находилось много мелких, а также сборщиков налогов, стражников и др.

В свое время мюльтезимы после ликвидации военных ленов получили право распоряжаться входившими в них землями, т. е. предоставлять надель крестьянам; последние же были обязаны платить им те налоги, которые они раньше вносили тимариотам и займам. Кроме того, мюльтезимам были переданы бывшие лены, доход с которых не превышал 2 тыс. курушей в год¹⁸. Таким образом, мюльтезимы превратились в помещиков-полуфеодалов. С отменой ильтизама они не только теряли важнейший источник доходов, но и право на распоряжение, а фактически на пожизненное владение землями бывших ленников (мукатаа). Вдобавок владельцы таких земель были обложены налогами (до Танзимата они были освобождены от налогов)¹⁹.

В правительстве шла острая борьба за власть, прежде всего между Мустафой Решид-пашой и великим везиром Хусрев-пашой. Хотя к этому времени Хусрев-паша был уже очень стар и мало напоминал прежнего властного государственного деятеля, которого как огня боялись в самых высоких сферах²⁰, его влияние еще было велико. На пути Решид-паши и его реформ стоял и зять султана сераскер (командующий войсками) Халиль-паша. Однако Решид-паша уверенно шел к своей цели. По просьбе Решид-паши султан разрешил жениться на своей сестре его другу и единомышленнику Ахмеду Фетхи-паше и назначил его министром торговли²¹. В июне 1840 г. Решид-паша сумел убедить султана уволить в отстав-

¹⁶ E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. V, Ankara, 19..., стр. 185—187.

¹⁷ C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, стр. 13. Франками называли тогда в Турции всех европейцев.

¹⁸ H. Şanda, Reaya ve Köylü, стр. 103—105.

¹⁹ H. İnalçık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 637.

²⁰ H. Temperley, England and the Near East. The Crimea, London — New York — Toronto, 1936, стр. 159.

²¹ Juchereau de St. Denys, Histoire de l'Empire Ottoman depuis 1792 jusqu'en 1844, Paris, 1844, стр. 285.

ку Хусрев-пашу. Такая же участь постигла Акиф-пашу и Халиль-пашу. Несколько крупных сановников были сняты со своих постов и осуждены за невыполнение постановлений о реформах²².

Однако консерваторы не сложили оружия. Особенно чувствительные удары они наносили по весьма большему месту — государственным доходам. Используя свое влияние в провинциях, они вызвали сильное сокращение поступлений налогов в казну. В значительной мере оно было также результатом произвола, злоупотреблений при взимании налогов и казнокрадства новых государственных сборщиков налогов — мухассилей, которые заменили мюльтезимов после отмены ильтизама. Порта стала испытывать финансовый кризис. Она даже оказалась вынужденной выпустить специальные казначейские боны для уплаты жалованья чиновникам²³.

Консерваторы в правительстве и при дворе всю вину за финансовый кризис возложили на Мустафу Решид-пашу. Особенно активизировались они после того, как египетские войска были разбиты в Сирии англо-турецко-австрийскими силами и их остатки в феврале 1841 г. вернулись в Египет. Сирия, Аданский округ, о-в Крит вновь перешли под власть Турции. Причина уступки, на которую пошли консерваторы, дав согласие на Гюльханейский хатт-и шериф, дабы улучшить международные позиции Турции в борьбе против Мухаммеда Али, с их точки зрения, уже отпала. Больше того, нежелание Мустафы Решид-паши удовлетворить просьбу Мухаммеда Али о предоставлении ему наследственных прав владения на управляемые им территории мешало окончательному разрешению турецко-египетского конфликта²⁴.

Консерваторы усилили нажим на колеблющегося султана и 31 марта 1841 г. добились увольнения Мустафы Решид-паши в отставку. Это событие состоялось при следующих характерных обстоятельствах. Мустафа Решид-паша представил Порте на утверждение коммерческий кодекс. Консервативный министр Рифат-паша задал ему вопрос: «Как

²² Там же, стр. 261; T. Yılmaz Öztuna, Türkiye tarihi, с. 11, İstanbul, 1967, стр. 190.

²³ A. Cevdet, Tezakir, 1—12, Ankara, 1953, стр. 6—9; H. İnalçık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 630—637. Задержка в поступлении налоговых сумм от ашара была вызвана также тем, что продукты, собранные в натуре, не могли быть проданы на месте и значительная их часть погибла. Вину за это консерваторы — члены Порты также возлагали на Решид-пашу (H. İnalçık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 639).

²⁴ Турецкие источники (Tarih-i Lütfi, с. 7, стр. 6—7; A. Cevdet, Tezakir, стр. 8—9) и современные историки (P. Кайнар и X. Иналджык) считают, что главной причиной отставки Решид-паши была его позиция по египетскому вопросу (см., например: H. İnalçık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 638).

согласуется кодекс со священным законом?» Решид-паша ответил, что кодекс не имеет никакого отношения к подобным материям. «Это святотатство!» — с негодованием воскликнули присутствовавшие улемы. Их поддержали консервативные министры (в их числе великий везир Мехмед Эмин Рауф-паша). Султан немедленно уволил Решид-пашу в отставку²⁵.

В декабре 1841 г. пост великого везира занял Дарендели Топал Иззет Мехмед-паша, который также был реакционером. Через девять месяцев великим везиром вновь был назначен Мехмед Эмин Рауф-паша. На этом посту он пробыл до середины 1845 г. Огромный вес в правительстве и при дворе имел Рыза-паша. Он занимал посты министра двора, командующего султанской гвардией и сераскера²⁶, был фаворитом матери султана Безмиалем и оказывал большое влияние на самого Абдул Меджида, человека молодого, мягкого, робкого и нерешительного. В качестве председателя (в 1842—1845 гг.) Высшего совета законодательных дел, на который после реорганизации его в 1840 г. было возложено осуществление реформ, Рыза-паша получил широкую возможность тормозить проведение в жизнь Гюльханейского хатт-и шерифа²⁷.

Как только Мустафа Решид-паша был удален, правительство приступило к упразднению реформ. Всем вали был разослан ферман, который должен был удовлетворить консервативное духовенство. В фермане говорилось, что халиф-султан считает своим важнейшим делом наблюдение за выполнением предписаний ислама. Наказание грозит тем мусульманам, которые без уважительных причин не будут совершать намаза пять раз в день. Вали и начальники санджаков отныне восстанавливаются в своих функциях полноправных распорядителей на управляемой ими территории. Им

²⁵ Донесение английского посла в Стамбуле Понсонби Пальмерстону от 29 марта 1841 г. (H. Temperley, England and the Near East..., стр. 163).

²⁶ Tarih-i Lûtfi, с. 8, стр. 28.

²⁷ H. Inalcik, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 638; H. Temperley, England and the Near East..., стр. 157, 163; E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, с. V, 2. baskı, Ankara, 1961, стр. 169. Известный русский востоковед И. Н. Березин, посетивший Турцию в начале 40-х годов XIX в., когда Рыза-паша был министром двора, писал о нем: «Рыза-паша, возвышенный из служителя кофейной в сан министра двора...» (И. Н. Березин, Современная Турция, — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», т. СХІХ, № 475, СПб., 1846, стр. 258). Не прошло мимо внимания Березина и то, что значение Абдул Меджида в политической жизни Турции было невелико. Он писал: «Несмотря на частое упоминание султанского имени в газетах, мы знаем и по собственному пребыванию в Стамбуле, и по новейшим событиям, что царствует в Турции не Абдул-Меджид, а та или другая партия» (там же, стр. 256).

поручается не только соблюдение порядка, но и руководство финансовыми делами. Вали несут ответственность за полный сбор установленной суммы налогов (их сбор, как и выполнение полицейских функций, поручается командиру расположенных в эйялете воинских частей — мюширу) и своевременную передачу ее в казну. В случае если будет собрана меньшая сумма, вали обязаны восполнить недостаток из собственных средств. Финансовые чиновники, направленные из центра, поступают в распоряжение вали.

Другой ферман, изданный в середине августа 1842 г., хотя и подтверждал принципы Танзимата, упразднял одну из самых радикальных реформ Мустафы Решид-паши — отмену ильтизама — под тем предлогом, что сбор ашара через государственных сборщиков — мухассилей, которые заботились лишь о собственных интересах, повлек за собой ущерб для казны и вызвал недовольство налогоплательщиков. Сбор ашара поручался провинциальным властям — мюдирам — и «достойным людям» в порядке откупа²⁸.

Консервативное правительство, как подметил турецкий историк Халиль Иналджык, не рискнуло публично отказаться от провозглашенных Гюльханейским хатт-и шерифом принципов равенства мусульман и немусульман и обеспечения жизни, имущества и чести подданных, но выдало их за принципы шариата²⁹. Не был отменен и уголовный закон, принятый в мае 1840 г. Он просто не проводился в жизнь.

Четыре года пребывания у власти правительства, в котором главную роль играл Рыза-паша, были потеряны для дела реформ. Единственная реформа, которую оно провело в жизнь, была армейская: в 1843 г. срок действительной службы в армии (низаме) был сокращен до пяти лет.

Но призыв в армию (низам) даже на такой срок турки и другие мусульмане рассматривали как полную потерю свободы и отрыв от семьи и хозяйства на долгие годы. Многие солдаты погибали во время подавления освободительных восстаний на Балканах и в арабских странах. Вот почему рекрутский набор повсюду встречался враждебно. Во многих местах империи вспыхивали восстания против рекрутчины.

²⁸ H. Inalcık, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 638—639. Характерно, что ферман избегает непопулярных терминов «ильтизам» и «мюльтезим». Откуп вместо ильтизама назван «taktü'an ihale» — поручение по системе «мукатаа», а последнее слово и означало «сдачу на откуп сбора государственных налогов», откупщики вместо «мюльтезим» названы «vücut-i ahalî» — «достойные люди».

²⁹ H. Inalcık, Sened-i Ittifak..., стр. 621.

Консервативное правительство своей политикой вызвало ухудшение внутреннего положения Турции. Сановники получили возможность главным образом путем взяточничества увеличивать свои богатства. Усилились коррупция, произвол чиновников, злоупотребления при взимании налогов. В еще больший упадок пришла денежная система, отчего огромные убытки терпели торговцы и ремесленники. Недовольство царило и в селах. В 1844 г. султан Абдул Меджид предпринял поездку по стране. Он побывал в Измите, Муданье, Бурсе, Гелиболу, Чанаккале и других городах и повсюду получал жалобы от жителей³⁰.

С приходом к власти консерваторов ухудшилось и международное положение Турции. Отставка Решид-паши и возврат Порты к старым порядкам произвели в Англии и Франции гнетущее впечатление. Это было расценено как отказ от принципов Гюльханейского хатт-и шерифа и политики реформ. Осуждение этой политики особенно усилилось после исключительного по своей жестокости подавления в 1841 г. восстания болгар в Нишском эйялете турецкими регулярными частями, о чем подробнее будет сказано далее. Произведенная по требованию шейх уль-ислама публичная казнь (отсечение головы) в 1843 г. на площади в Стамбуле молодого армянина, принявшего в пылу семейной ссоры ислам, но вскоре тайно вернувшегося в лоно христианской церкви, и другие аналогичные случаи вызвали в Европе бурю возмущения. Последовало вмешательство западных держав. Султан был вынужден под их давлением дать письменные заверения, что подобные казни не будут допускаться³¹.

Перемена отношения к Турции в Англии и Франции вызвала беспокойство в правящих кругах страны и у самого султана, тем более что в 1844 г. Николай I предпринял первые попытки договориться с английским правительством о разделе Османской империи. Следовало продемонстрировать, что Гюльханейский хатт-и шериф остался в силе и реформы продолжатся. В феврале 1845 г. Абдул Меджид в особом рескрипте, адресованном Порте, выразил недовольство тем, что ни один из его проектов преобразований, за исключением военного, не выполнен. Султан приказал великому везиру и всем министрам обсудить меры, необходимые для обеспечения благополучия всем подданным. Особое внимание было уделено просвещению, борьбе с невежеством. Организация

³⁰ I. H. Danişmend, *Izahlı osmanlı tarihi kronolojisi*, c. IV, 2. bası, İstanbul, 1961, стр. 132, 136; R. Davison, *Reform in the Ottoman Empire. 1856—1876*, Princeton, 1963, стр. 48.

³¹ G. Joung, *Corp de droit Ottoman*, vol. II, Oxford, 1905, стр. 11.

светских школ с преподаванием в них основ наук, искусства и промышленности была признана неотложным делом³².

К сказанному добавим, что английское правительство через своего посла в Стамбуле настойчиво рекомендовало султану вернуть Решид-пашу к власти, что и произошло в октябре 1845 г. Наступила пора ликования для его сторонников. Примерно через год (28 сентября 1846 г.) Мустафа Решид-паша был впервые назначен на пост великого везира³³. По словам современника событий, крупного государственного деятеля и историографа Ахмеда Джевдет-паши, по поводу назначения Решид-паши в Стамбуле говорили: прошло время Рыза-паши, и настало время Решид-паши³⁴.

С краткими перерывами в 1848 и 1852 гг. Мустафа Решид-паша возглавлял Порту до августа 1852 г. После этого в результате интриг противников его неоднократно увольняли в отставку и вновь назначали на пост великого везира — в 1854, 1856 и 1857 гг.

После возвращения Решид-паши к власти возобновилось осуществление реформ. В 1845 г. начали создаваться меджлисы при вали в ряде провинций. В 1845—1849 гг. были изданы аграрные законы, которые уравнивали женщин с мужчинами в праве владения и наследования государственных земель (мири), а в 1846 г. — указ о правах и обязанностях чиновников, направленный против коррупции и взяточничества, широко распространенных в их среде. В том же году был принят закон о создании сети светских школ — начальных и средних, а также университета. Этим законом реформаторы стремились обеспечить распространение светского образования и в то же время ограничить влияние духовенства на умы населения. Для руководства делом просвещения в 1847 г. правительство учредило специальное ведомство. В том же году оно создало уголовный суд, рассматривавший дела на основе светского уголовного закона (в 1851 г. уголовный закон 1840 г. был расширен). В 1848 г. были учреждены коммерческие суды в ряде крупных торговых центров, в 1850 г. принят составленный по французскому

³² Tarih-i Lûtfi, с. 8, стр. 9—10; E. Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, стр. 620—623, 637; F. Bailey, British Policy and the Turkish nos jours, Paris, 1882, стр. 75.

³³ Tarih-i Lûtfi, с. 8, стр. 115—116; R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, стр. 620—623, 637; F. Bailey, British Policy and the Turkish Reforme Movement, стр. 227. Английское правительство было тем более в этом заинтересовано, что Рыза-паша пользовался поддержкой царского правительства.

³⁴ A. Cevdet, Tezakir, 1—12, стр. 10. В падении Рыза-паши сыграли роль и дворцовые интриги (Tarih-i Lûtfi, с. 8, стр. 28—29; Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 96—97).

образцу Коммерческий кодекс, открыт научный центр, восстановлен порядок сбора личного налога джизье, или хараджа, с немусульман через сельских или квартальных старшин немусульманских общин. Однако отмены ильтизама не последовало. 1854 год ознаменовался принятием закона о создании смешанных светских уголовных судов для разбора тяжб между мусульманами и немусульманами, причем устанавливалось, что свидетельские показания мусульман и немусульман должны приниматься на равных основаниях. В этом же году был учрежден Высший совет по реформам. Были приняты и акты с целью поощрить развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

Осуществление реформ, предусмотренных перечисленными и другими законами, наталкивалось на большие трудности и требовало длительного времени. Как и прежде, оно встречало упорное сопротивление феодальных и других консервативных сил в столице, в частности при дворе, и в провинции.

Крупнейшей и могущественной реакционной силой оставалось мусульманское духовенство. Русский востоковед И. Н. Березин в этом убедился лично. Он отметил ошибку тех, кто считал, что с Танзиматом сила духовенства уменьшилась: «Напрасно полагают, что муллы в Турции ослабели; не задеты до сих пор чувствительно вихрем преобразований, они лишь злобно косятся на Танзимат; но когда очередь дойдет до их собственных интересов, тогда бурный поток разрушительного фанатизма выступит из берегов с неотражимой силой, против которой не устоит слабое правительство со своими ренегатами. Не забудем, что турецкому духовенству дают могущественный перевес „вакфы“, которые составляют более двух третей недвижимого имущества в Турции»³⁵.

И. Н. Березин совершенно справедливо указывал, что мусульманские священнослужители не были «чувствительно задеты вихрем преобразований». В Гюльханейском хатт-и шерифе нет ни одного слова, направленного против духовенства, а тем более против каких-либо догм ислама.

Мустафа Решид-паша и его соратники не покушались на богатое и разнообразное недвижимое и движимое имущество (особенно земли), которым управляло духовенство, извлекавшее из него огромные доходы. Тем не менее классовое

³⁵ И. Н. Березин, Современная Турция, — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», т. СХІХ, № 477, СПб., 1847, стр. 51. Французский исследователь положения Турции в период Танзимата (1839—1853) Убичини, живший в эти годы в стране и всесторонне изучивший ее состояние, писал в своих «Письмах о Турции», что вакфы занимали свыше двух третей земельной собственности (A. Ubicini, Lettres sur la Turquie..., t. 1, Paris, 1853, стр. 93).

чутье подсказывало духовенству, особенно его высшим представителям, что Танзимат несовместим с его интересами³⁶. Обещанные Гюльханейским рескриптом гарантия неприкосновенности личности, чести и имущества подданных, узаконение прав наследников на имущество осужденных и запрет его конфискации делали излишней такую широко применявшуюся в Турции меру перестраховки от произвола властей, как превращение имущества в вакф³⁷.

Учреждение светских судов, принятие законов, заимствованных у западных стран (уголовного, коммерческого и др.), значительно сокращали сферу применения шариата и деятельности духовных судей и мусульманских правоведов — улемов. Судебно-правовые реформы не только вели к падению влияния духовенства, особенно его высшего звена, на систему государственного управления, но наносили ему и большой материальный урон. Распространение светского образования, расширение сети светских начальных и средних школ и намерение открыть университет также угрожали духовенству утратой одного из главных орудий его воздействия на широкие массы мусульман. Удержать его в своих руках — в этом были заинтересованы все служители мусульманской религии, начиная с деревенских имамов и кончая профессорами духовных училищ — мюдеррисами — и шейх уль-исламом. К сокращению влияния духовенства на дела государства вели и реформы в административной системе³⁸. Преобразования в Турции в 40—50-х годах XIX в. уже тогда вызвали некоторое падение политической роли шейх уль-ислама³⁹.

Особую опасность для реформ представляло огромное влияние духовенства на мусульманские массы. Используя в своих интересах слепую веру мусульман в служителей культа, воспитанное у них веками чувство превосходства над инакомыслящими и презрение к угнетенным народам Османской империи, особенно к христианам, духовенство натравливало фанатиков-мусульман на сторонников преобразований, поднимало на борьбу против реформ. В том же направлении действовали и феодалы. При этом они использовали недовольство масс, которым отдельные реформы (например, армейская) несли дополнительные тяготы. Провоцируемые духовенством, внушавшим правоверным, что набор рекрутов является выдумкой гяуров-христиан, фанатично настроенные

³⁶ A. Ubicini, *Lettres sur la Turquie...*, t. 1, стр. 93.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, c. VII. *Islahat fermaları devri*. 1876—1876, Ankara, 1956, стр. 15—16.

турки обрушивали свой гнев на мирное христианское население. Христианские погромы с убийствами, насилиями, грабежами произошли не только в селах, но и в городах. Такой печальной участи, например, подвергся болгарский город Варна, где погромщики убили многих мужчин, увели большое число женщин и детей в рабство, разрушили церкви, разграбили имущество своих жертв. По словам Розена, здесь «были совершены ужасы, свойственные войнам варварских народов»⁴⁰.

Политические противники реформаторов не прекращали борьбы против Решид-паши и после его назначения на пост великого везира. В памфлетах и выступлениях они приписывали ему вину за все трудности, которые испытывала Турция. Консерваторы старались дискредитировать его в глазах населения, называли его безбожником, обвиняли в том, что он использует свой высокий пост для личного обогащения. В то же время влиятельные, близкие к султану придворные старались внушить последнему мысль, что Решид-паша заходит слишком далеко в своем пристрастии к западным порядкам, что он республиканец и представляет опасность для трона⁴¹.

Происки влиятельных реакционеров, среди которых особенно выделялся зять султана Саид-паша, увенчались успехом. 28 апреля 1848 г. Решид-паша был уволен в отставку. Вместе с ним были сняты со своих постов министр иностранных дел Али-паша и еще семь государственных деятелей⁴².

Отставка Решид-паши вызвала недовольство британского кабинета. Английскому послу в Стамбуле Стратфорду Каннингу было предписано оказать давление на султана и Порту и добиться возвращения Решид-паши на пост великого везира, что он успешно выполнил. Через три с половиной месяца после отставки Решид-паша снова был назначен великим везиром⁴³. На этом посту он пробыл три с половиной года, до очередной отставки.

В течение всех лет пребывания у власти Решид-паша сталкивался с сопротивлением реформам со стороны государственного аппарата, особенно в провинциях. Он пытался сломить саботаж чиновников. Порта стала более настойчиво требовать от местных властей выполнения принятых законов, наказывала строптивых и нерадивых. Время от времени из

⁴⁰ Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 92.

⁴¹ İ. N. Danişmend, *İzahlı Osmanlı tarihi kronolojisi*, с. IV, стр. 137.

⁴² *Tarih-i Lûtfi*, с. 8, стр. 158—159; С. Baysun, *Mustafa Reşit paşa*, стр. 16—17.

⁴³ *Tarih-i Lûtfi*, с. 8, стр. 160.

Стамбула в провинцию выезжали ее уполномоченные для проверки выполнения танзиматских реформ. Итоги такой проверки были неутешительными — провинциальные власти продолжали саботировать реформы. Проследим это на примере поездки правительственного уполномоченного Сами-паши в Румелию в 1851 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют проследить деятельность Сами-паши в Румелии и ее результаты. Прибыв к месту назначения, Сами-паша обратился с прокламацией к чиновникам и кадиям Румелии. В ней указывалось, что чиновники и кадии противодействуют реформам. Сами-паша назвал их поведение развратным и отметил, что оно находится в противоречии с основными заповедями ислама. Вот как паша разъяснял саботажникам, что такое Танзимат: «Наш Танзимат — это не что-то новое и не приказы, полученные от других народов, и не заимствования из некоторых нечестивых книг. Танзимат — это те неизменные законы, которые ясно выражены в Коране и предложены им к неуклонному исполнению... Танзимат — это не что иное, как основные законы, приказывающие каждому человеку, чтобы он любил своего султана, был праведным, никому не причинял вреда, уважал чужое добро, чтобы он повиновался законам своего правительства и был готов отстаивать пользу своего отечества и жил от дел рук своих... Танзимат, господа, приказывает еще, чтобы правдой и защитой закона пользовались все люди, без различия народности и религии. Разве наш Коран предлагает нам верить во что-либо другое?.. Поэтому, — говорилось в заключительной части прокламации, — султан соблаговолил дать право своим двум уполномоченным строго наказывать всех преступников, нарушающих Танзимат»⁴⁴.

И действительно, Сами-паша развил в Румелии большую активность: он произвел чистку в административном аппарате, принимал депутации от местного населения, выслушивал их жалобы, наказывал виновных⁴⁵.

Можно предположить, что так же действовал в Анатолии и другой уполномоченный — Исмет-паша, направленный туда в то же время. Заключительные слова прокламации позволяют сделать вывод, что она была преподана свыше для обоих уполномоченных.

Обращает на себя внимание стремление реформаторов обосновать Танзимат ссылками на Коран. Подобная тенден-

⁴⁴ Л. Милетич, Един документ от първото време на Танзимата. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XV, София, 1898, стр. 369.

⁴⁵ Там же.

ция обнаруживается и в последующих реформаторских движениях более высокого типа.

Тот факт, что через 12 лет после обнародования Гюльханейского хатт-и шерифа Высокая Порта была вынуждена принимать чрезвычайные меры, чтобы преодолеть сопротивление консерваторов, говорит как о силе этого сопротивления, так и о недостаточной эффективности самих реформ.

В борьбе между реформаторами и консерваторами на стороне последних было то преимущество, что они имели многовековую, традиционную связь с мусульманскими массами и влияние на них, обеспеченное воздействием такого мощного идеологического оружия, каким был тогда ислам. При посредстве многотысячного духовенства, из поля зрения которого не выпадал ни один мусульманин, это воздействие было многосторонним, глубоким и непрерывным — со дня рождения до самой смерти. Реформаторы стояли бесконечно далеко от масс, не проявляли заботы об их нуждах и не имели на них и тысячной доли того влияния, которым пользовалось духовенство.

Однако, как известно, значительная часть населения Османской империи состояла из христиан. В европейских владениях султана турки составляли не более одной десятой общей численности их населения. Поэтому положение реформаторов и судьба реформ во многом зависели от отношения к последним угнетенных народов и реформаторов к этим народам.

Как отнеслись к Гюльханейскому хатт-и шерифу и реформам Танзимата угнетенные народы Османской империи? Этот вопрос требует специального рассмотрения. Здесь лишь кратко отметим, что христианское население Балкан, за исключением тех его элементов, которые тесно связали свою судьбу с местными турецкими феодалами и администрацией, с радостью и надеждой на лучшее будущее встретило Гюльханейский рескрипт ⁴⁶.

По приказу из Стамбула султанские чиновники зачитывали Гюльханейский хатт-и шериф на областных собраниях представителей местного населения на их родных языках. Так, в Салониках были собраны делегаты со всей Македонии, и им был зачитан хатт-и шериф на болгарском языке ⁴⁷. Болгарская колония в Бухаресте дважды, в 1839 и 1841 гг., издала Гюльханейский хатт-и шериф на болгарском языке

⁴⁶ «Христианские подданные смотрели на хатт как на начало нового времени», — писал один непосредственный наблюдатель-иностранец (G. Hamlin, *Among the Turks*, New York, 1878). Цит. по статье: Н. Іпалсік, *Tanzimat'ın uygulanması...*, стр. 624.

⁴⁷ И. Пастухов, *Българска история*, т. II, София, 1943, стр. 674.

(Мустафа Решид-паша запретил его печатание на болгарском языке) и распространила его по всей Болгарии⁴⁸. В изданной Болгарской Академией наук «Истории Болгарии» говорится по этому поводу: «Болгары знали очень хорошо, что турецкая администрация не будет исполнять хатт-и шериф, но все же они повели упорную борьбу за его претворение в жизнь»⁴⁹. Опираясь на тот неоспоримый факт, что хатт-и шериф формально действует, болгарские общины, цеховые организации, училища, сельские делегации и отдельные лица при разрешении своих споров с властями ссылались на него. Когда же им не удавалось преодолеть сопротивление чиновников, которые даже доходили до такой дерзости, что заявляли, будто хатт-и шериф уже не имеет силы, они направляли Порте письменные протесты. Именно в результате этой борьбы турецкое правительство оказалось в столь комичном положении, что вынуждено было в 1843 и 1845 гг. вновь обнародовать хатт-и шериф и в письменной форме подтвердить, что он действует. Чтобы придать больше значения этим уверениям, сам султан объезжал большие болгарские города и успокаивал население»⁵⁰.

Как уже отмечалось, и в среде угнетенных народов оказались такие лица, которые приспособились к турецкому феодальному режиму и, извлекая для себя выгоду из этого, действовали вместе с турецкими консерваторами против реформ. Больше всего таких элементов оказалось среди верхушки греческого населения. К ним принадлежал сам патриарх — глава греко-православной религиозной общины. О его отношении к Гюльханейскому хатт-и шерифу свидетельствует следующий любопытный эпизод. В качестве главы греко-православной общины (которая, как известно, включала всех православных подданных султана) патриарх присутствовал на торжестве оглашения Гюльханейского рескрипта. Глядя, как после этой церемонии хатт-и шериф был уложен в красный атласный мешочек, патриарх выразил надежду, что он там останется навсегда⁵¹. Причина недовольства патриарха, а с ним и многих греков (главным образом из числа духовенства, крупных купцов и ростовщиков) состояла в том, что они занимали господствующее положение среди своих единоверцев — болгар, сербов, черногорцев, валахов, молдаван и др.

⁴⁸ История на България, т. I, София, 1961, стр. 341.

⁴⁹ «Гюльханейский хатт придад рааја смелости бороться за свои права и внушил им мысль о равенстве людей перед законом», — отметил упомянутый иностранец (H. Inalcik, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 624).

⁵⁰ История на България, т. I, стр. 341—342. Имеется в виду поездка Абдул Меджида в Варну и другие болгарские города в 1846 г.

⁵¹ E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. V, стр. 187.

Горькая действительность вскоре показала угнетенным народам, особенно балканским, что их надежды на Гюльханейский хатт-и шериф беспочвенны. Противники реформ, в руках которых находился государственный аппарат, делали все, чтобы дискредитировать и в конце концов сорвать реформы.

Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, по-прежнему страдали от произвола властей при взимании налогов. Более того, после отмены откупной системы и перехода к сбору налогов с помощью государственных чиновников — мухассилей и их агентов — во многих местах, особенно там, где жили христиане, власти додумались до того, что стали требовать от крестьян уплаты налогов и по старой системе — откупщикам, и по новой — государственным сборщикам. Кроме того, оценка земель, лежавшая в основе определения размера налога, была в три-четыре раза выше прежней, дореформенной. Возмущение крестьян злоупотреблениями было настолько велико, что во многих местах вспыхнули восстания⁵².

Волнения среди населения были вызваны также грубым нарушением главного обещания Гюльханейского хатт-и шерифа — обеспечить неприкосновенность личности, чести, имущества каждого подданного империи, без различия веры и национальности. Восстания, разразившиеся в ответ на злоупотребления властей и нарушение ими Гюльханейского хатт-и шерифа, который сам султан клятвенно обязался соблюдать, охватили большую территорию. Они произошли на островах Крит, Кипр, Самос, в эйялетах Диярбакыр, Трабзон, в Македонии, Албании и других местах⁵³. Тысячи повстанцев подписали жалобу, в которой говорилось, что они не хотят отложиться от султана, но требуют, чтобы соблюдался Гюльханейский хатт-и шериф.

Крупное крестьянское восстание вспыхнуло в 1841 г. в Нишском эйялете Западной Болгарии. Здесь после отмены военно-ленной системы (в 1832—1833 гг.) земли бывших ленников — сипахив, занесенные в государственный фонд, оказались по праву долгосрочной наследственной аренды в руках крупных землевладельцев. Последние стали взимать с крестьян ту же самую арендную плату натурой, которая ранее поступала сипахиям. Однако после введения в 1840 г. системы взимания налогов непосредственно государственно-

⁵² В докладе, представленном великим везиром султану о причинах волнений в Анатолии и Румелии, указывалось, что главной из них были злоупотребления, допущенные чиновниками при сборе налогов. H. Inalik, *Tanzimat'ın uygulanması...*, стр. 645.

⁵³ И. Пастухов, *Българска история*, т. II, стр. 676.

ми сборщиками крестьян обязали вносить такую же арендную плату и в государственную казну. Таким образом, крестьяне должны были платить уже две ренты вместо одной. Удвоение налогового бремени вызвало острое недовольство крестьян⁵⁴. К этому добавились и злоупотребления, допускавшиеся государственными сборщиками при взимании налогов.

В восстании участвовали тысячи крестьян. Но они не имели огнестрельного оружия, были раздроблены, лишены единого руководства, плохо организованы. Нишский паша направил против восставших регулярные части низама с артиллерией и иррегулярные отряды головорезов — башибузуков. Каратели с необычайной жестокостью подавили восстание. Было уничтожено свыше 250 сел, тысячи мужчин были вырезаны, множество женщин и детей уведено на стамбульский невольничий рынок для продажи в рабство⁵⁵.

Чудовищные преступления турецких войск вызвали в Европе гнев и возмущение. Высокая Порта старалась доказать, что она не имеет отношения к зверствам нишского паши и не знает о них. Однако жестокая расправа с христианским населением, требовавшим лишь проведения в жизнь танзиматских реформ, компрометировала Турцию, ее монарха и правительство в глазах всей Европы.

Болгарские крестьяне, несмотря на беспощадное подавление восстания, не прекратили борьбы против тирании. Новые крупные восстания вспыхивали в разных местах. Особенно значительным было восстание в Видинском и Нишском эяялетах в 1850 г.⁵⁶. Султанский уполномоченный Али Рыза-паша, посланный в эту область для выяснения причин восстания, в своем докладе великому везиру назвал следующие: террор и насилие со стороны турецких феодалов и местной администрации, сбор сверх установленного размера натуральных налогов с урожая и с овец, злоупотребления сборщиков налогов, произвол крупных земельных собственников, заставлявших крестьян нести барщину, постой, грабеж, насилие и другие беззакония, чинимые бродячими ту-

⁵⁴ С. Димитров, Из историята на революционото движение в Нишкя вилает през 1850 г.,—Известия на Института за история, т. 16—17, София, 1966, стр. 407; Н. Іп а Ісік, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 645—646.

⁵⁵ История на България, т. I, стр. 346—347.

⁵⁶ Об этих восстаниях см.: С. Димитров, Въстанието на селяните в Северо-Западна България през 1850 г., София, 1961; его же, Из историята на революционото движение в Нишкя вилает през 1850 г.,—Известия на института за история, т. 16—17, София, 1966; Н. Іп а Ісік, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 646—648.

рецкими солдатами и разными празднующимися элементами⁵⁷.

По мнению проф. Х. Иналджыка, Видинское восстание было вызвано главным образом обострением отношений между крупными землевладельцами-турками и болгарскими крестьянами. В результате злоупотреблений на местах землевладельцы сумели использовать в своих интересах реформы Танзимата, направленные на укрепление и обеспечение права собственности, и закрепить за собой государственные земли мира, которыми они владели лишь на праве аренды. Они сумели это сделать еще и потому, что сами заседали в меджлисах, созданных при местных вали, и указы Порты, противоречащие их интересам, толковали в свою пользу. Оказавшись фактическими собственниками государственных земель и извращая в свою пользу принципы Танзимата, крупные землевладельцы усилили эксплуатацию крестьян, пользовавшихся их землями уже в качестве субарендаторов. Эта эксплуатация носила феодальный характер. Землевладельцы требовали от крестьян в качестве платы за аренду выполнения барщины в течение одного-двух месяцев в год, налагали на них натуральные и денежные повинности. Сами они жили в городах и местечках и управление своими деревнями доверяли старостам—субаши, которые обирали крестьян, налагая на них натуральные и денежные сборы, штрафы и пр. В сумме эти поборы достигали 1400—1500 курушей с крестьянской семьи в год. Сверх всего этого крестьяне-болгары еще были обязаны платить налоги государству — ашар и джизье⁵⁸. Как видим, турецкие феодалы-землевладельцы поставили крестьян-болгар Видинского эялета в крепостную зависимость от себя.

Во всех названных и других злоупотреблениях крестьяне Видинского и других эялетов усматривали нарушение Гюльханейского хатт-и шерифа. Они жаловались Али Рыза-паше, что крупные землевладельцы «не позволяют осуществить ни одной реформы, провозглашенной в Константинополе». Крестьяне выдвигали, в частности, следующее требование: «Обеспечить осуществление на деле реформ, провозглашенных султаном, и строгий контроль над деятельностью местных властей, на которых крестьянин не может публично жаловаться, не рискуя жизнью»⁵⁹. Сиприан Робер, француз-

⁵⁷ Документи за българската история. III. Документи из турските държавни архиви, ч. I (1564—1872), София, 1940, стр. 321—322.

⁵⁸ H. Inalcik, Tanzimat'ın uygulanması..., стр. 646—648.

⁵⁹ Сиприен Роберт, Les Slaves de Turquie. I. Paris, 1852, стр. 13. Цит. по: Н. Тодоров, Положението на Българския народ под турско робство, София, 1953, стр. 217.

ский этнограф, в течение нескольких лет живший среди южных славян и изучавший их язык и нравы, лично убедился в правоте болгарских крестьян. Он писал: «Из хороших мер, которые предписаны его величеством султаном в отношении рааи, ни одна не выполняется. Турецкое население измывается над христианами»⁶⁰.

Требования соблюдать Танзимат выдвигались не только болгарами, но и сербами, босняками и другими балканскими народами.

Казалось бы, реформаторы должны были рассматривать как свою опору угнетенные народы, требовавшие осуществления провозглашенных реформ, и сурово наказывать тех, кто их срывает. Однако правительство Мустафы Решид-паши сурово расправлялось не с саботажниками, а с болгарами, сербами и другими угнетенными немусульманами, с оружием в руках отстаивавшими принципы Гюльханейского хатт-и шерифа. Еще до восстания в Видинском эйялете Порты указом от 11 января 1850 г. предписала видинскому вали предупредить болгар, чтобы они воздержались от «бунта». В случае же, если они не послушаются «благосклонных советов», вали предлагалось «применить грубую силу»⁶¹. Это указание Порты было с усердием выполнено. Восстания 1850 г. в Болгарии были потоплены в крови (Решид-паша был в то время великим везиром). Даже английское правительство, дружески расположенное к Порте, вынуждено было осудить турецкие зверства и указать ей, что своими карательными акциями она дискредитирует реформы Танзимата. В ноте Порте от 14 августа 1850 г. английский посол в Стамбуле писал, что «последние ужасные события в Болгарии... совершенно смутили и опечалили доброжелателей Турецкой империи... Реформы и улучшения, которые е. в. султан обещал и которые министры стараются претворить в жизнь, не только не осуществляются, но вследствие многочисленных злодеяний и фанатичных поступков властей и турецкого населения и утраты доверия болгарского населения становятся излишними и даже вредными»⁶².

Таким образом, в вопросе об отношении к угнетенным народам, к их требованиям и нуждам реформаторы недалеко ушли от своих политических противников. Они смыкались с

⁶⁰ Там же. Следует указать и на массовые восстания албанских горцев против новой налоговой системы. Она лишала их преимуществ, которыми они пользовались, когда налоги собирались через их местные органы самоуправления. См.: П. Миле, Крестьянское восстание 1847 г. в Албании в свете новых данных, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3, стр. 18.

⁶¹ Документи за българската история, т. III, стр. 308.

⁶² Там же, стр. 324.

ними даже в тех случаях, когда эти требования сводились к выполнению обещаний, содержащихся в Гюльханейском хатт-и шерифе. Классовые и великодержавные чувства брали у них верх, и, как удачно выразился Розен, «слабый либерализм сделался рабом реакции»⁶³.

Сторонники и проводники реформ оказались в национальном вопросе в одном лагере с консерваторами, дискредитируя свое собственное творение — Гюльханейский хатт-и шериф — и провозглашенные им реформы.

В этой связи необходимо также отметить, что Решид-паша и его единомышленники оказывали поддержку и реакционным элементам, сосредоточенным в высших духовных управлениях немусульманских общин. Особенно отрицательное значение имела поддержка ими патриарха греко-православной общины.

Греческое духовенство располагало большими богатствами, движимым и недвижимым имуществом. Оно облагало свою паству налогами и многочисленными сборами, которые превышали сумму хараджа, предназначенную для Порты. В его ведении находилось взимание хараджа в пользу государства, суд по делам членов своей общины, оно распоряжалось школами, больницами, домами призрения и т. п. Все это использовалось в его корыстных интересах. Особенному угнетению со стороны греческого духовенства подвергались православные славянского происхождения, а также молдаване, валахи. Все мало-мальски важные должности в духовной иерархии греко-православной общины занимали греки. Чуждые своей пастве (кроме греков), даже не знающие ее языка, греческие священники были ненавистны сербам, болгарам, черногорцам, молдаванам, валахам, которые жаждали создать самостоятельную церковь.

Греческое духовенство, особенно высшее, было тесно связано с Портой и другими органами турецкой власти. С его помощью православные подданные султана удерживались в повиновении. Интересы Порты и патриархата совпадали⁶⁴. При всяком выступлении против греческой духовной знати ее представители обращались за помощью к турецким властям и получали ее. Власти объявляли оппозиционеров бунтовщиками и заключали в тюрьму⁶⁵.

⁶³ Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 108.

⁶⁴ F. Eichmann, Die Reformen des Osmanischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses der Christen zur türkischen Herrschaft, Berlin, 1858, стр. 245—247.

⁶⁵ История на България, т. I, стр. 378—380, 382. Русский дипломат К. Базили видел в 30-х годах XIX в. в стамбульской тюрьме турецких подданных — немусульман, осужденных главами своих религиозных общин (К. Базили, Очерки Константинополя, ч. 2, СПб., 1835, стр. 17—18).

Реформы Танзимата несколько ограничили вмешательство греческого духовенства в светские дела. Порта даже предоставила светским нотаблям православного вероисповедания право на участие в управлении делами общины, в том числе и такими, как назначение митрополитов и епископов, как это имело место в 1847 г.⁶⁶ Реформы усиливали надежды славянских народов, валахов и молдаван на освобождение от власти греческого духовенства и на создание самостоятельной церкви. В частности, болгары боролись за восстановление болгарской церкви. В условиях того времени эта борьба была частью их национально-освободительного движения. Частичного успеха это движение добилось в 1847 г., когда в Стамбуле была образована болгарская церковная община⁶⁷. Вот почему греческое духовенство было против реформ Танзимата. В этом вопросе оно полностью смыкалось с турецкими реакционерами. Тем не менее Порта, за исключением отдельных случаев, не оказывала поддержки болгарам в их борьбе за церковную независимость. В данном вопросе реформаторы, как и их реакционные предшественники в правительстве, были больше заинтересованы в том, чтобы обе стороны — греческое духовенство и его противники — ослабляли друг друга во взаимной борьбе.

* * *

Мы проанализировали борьбу между реформаторами и консерваторами в период Танзимата на протяжении около 15 лет.

Эта борьба носила ожесточенный характер и сопровождалась драматическими событиями. Главными ее персонажами были представители господствующего, феодального класса. Однако этот класс не был монолитным. Внутренний экономический и политический кризис, а также сложное и опасное внешнеполитическое положение Османской империи вызвали различную реакцию у отдельных слоев господствующего класса.

В рядах феодальной бюрократии, особенно в тех ее звеньях, которые по роду своей деятельности имели тесные контакты с западноевропейскими странами или их представителями в империи, нашлись люди, выступавшие за прогрессивные изменения в турецком обществе. Своей деятельностью они положили начало турецкому возрождению.

⁶⁶ A. Ubicini, *Lettres sur la Turquie...*, t. II, Paris, 1854, стр. 178.

⁶⁷ История на България, т. I, стр. 381—382.

И в этом состоит их историческая заслуга перед турецким народом.

В то же время факты убеждают, что в своей борьбе за либеральные реформы, весьма скромные и ограниченные, их идеологи и проводники не проявляли достаточной твердости и последовательности, что нашло наиболее яркое выражение в политике по отношению к угнетенным народам. Эта политика обнаружила консерватизм и шовинизм реформаторов и оттолкнула от них сотни тысяч людей, которые могли стать их опорой в борьбе за реформы.

История Танзимата показывает, что консерваторы обладали большей силой, чем реформаторы. Их влияние на широкие массы турецкого населения, главным образом благодаря духовенству, было несравненно большим и глубоким, базировалось на давних традициях. Велико было консервативное влияние аппарата власти в центре и в провинциях. По этой причине реформы Танзимата часто срывались и даже извращались их противниками.

Однако консерваторы уже были бессильны полностью ликвидировать Танзимат. Несмотря на их сопротивление, Танзимат продолжался после Крымской войны. Продолжалась на новом его этапе и борьба между консерваторами и реформаторами.